

Николай Мамин

Валеркина любовь
Златые горы

Аллея

Николай Мамин

Валеркина любовь. Златые горы

Издательство "Руда"

2020

УДК 82.31
ББК 84(2Рос=Рус)6

Мамин Н. И.

Валеркина любовь. Златые горы / Н. И. Мамин — Издательство "Руда", 2020 — (Аллея)

ISBN 978-5-6042789-4-9

Совсем ещё молод рулевой Валерка. И характер у него не очень-то покладистый, и дело трудное – водить пассажирский кораблик по бурной сибирской реке. А тут ещё и первая любовь, да не к кому-нибудь, а к строгой начальнице Антонине, аж двадцати восьми лет. Как сложатся их судьбы над бурной и опасной речной водой? Вторая повесть переносит нас в небольшой золотодобывающий посёлок в таёжной Сибири. Непросто разобраться моряку-краснофлотцу Дмитрию в людях, что теперь стали ему близки: старателях и лесорубах. И с девушкой Татьяной то, что началось так светло и радостно, оборачивается тёмной стороной. Людская тяга к лёгкому богатству ставит под удар всё, чем дорожит Дмитрий. Для широкого круга читателей.

УДК 82.31
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6042789-4-9

© Мамин Н. И., 2020
© Издательство "Руда", 2020

Содержание

Сибиряк не по своей воле	6
Валеркина любовь	10
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Николай Мамин
Валеркина любовь. Златые горы

Иллюстрации Сергея Григорьева

Серия

«Аллея»

© Издательство «Руда», 2019
© Н. И. Мамин, наследники, 2019
© С. А. Григорьев, иллюстрации, 2019

Сибиряк не по своей воле

В 60-х годах прошлого, двадцатого века, многие красноярцы могли видеть на улицах города странную фигуру: невысокий, сухонький пожилой человек с лицом, изборожденным морщинами, весь, с головы до пят, в коже: кожаный шлем, кожаная куртка, кожаные штаны, сапоги; на руках – кожаные перчатки с крагами, на лице – защитные очки, придающие ему какой-то дьявольский вид, – на большой скорости проносится на ревущем не то как реактивный снаряд, не то как бешеный зверь трёхколёсном мотоцикле «Урал», пугая пешеходов, в те годы ещё не привыкших к большому уличному шуму и сумасшедшим скоростям (как потом оказалось, он очень любил свой мотоцикл и, ласково поглаживая, частенько называл его не без оттенка нежности: «мой мотозверь»). Во всяком случае, я, ещё не будучи с ним знаком, неоднократно обращал внимание на необычного мотоциклиста: в его облике было и нечто нетерпеливое, и демонстративное, и одновременно – чуть-чуть театральное. Это и был писатель Николай Иванович Мамин. Кстати, он любил повторять, словно поговорку, строку из стихов Андрея Вознесенского: «Мы родились не выживать, а спидометры выжимать».

Люди, едва слышавшие фамилию этого писателя, иногда спрашивают: не писатель ли это Мамин-Сибиряк? Отвечаем на это: нет! – и опишем здесь их отличия.

Красноярский писатель Николай Иванович Мамин (1906–1968) родился на Волге и всю свою взрослую жизнь прожил в советское время; однако судьба его вместила в себя столько драматических событий, сколько в истории русской литературы, пожалуй, ещё не выпадало на долю одного писателя, так что творческая судьба его не осуществилась в полной мере: так, издав первую книгу, сборник рассказов «Якобинцы», в 1933 г. в Ленинграде, вторую, повесть «Знамя девятого полка», он смог издать только 25 лет спустя, в 1958 г. (сначала в Красноярске, а затем, в 1961 г., в Москве). И хотя прожил он довольно долго для того сурового времени – 62 года, однако при жизни своей успел закончить и издать всего 6 книг прозы. И в Сибирь он, не сибиряк по рождению, попал отнюдь не по своей воле.

Известный же русский писатель второй половины XIX – начала XX веков, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк (1852–1912) родился на Урале, большую часть жизни прожил в Петербурге и был успешным автором многих знаменитых в своё время романов об Урале и Сибири. Его собрания сочинений и отдельные романы издаются до сих пор, причём – большими тиражами.

Однако есть одна деталь, объединяющая этих писателей: настоящая фамилия Д.Н. Мамина-Сибиряка – Мамин. Случайно ли совпадение фамилий? Не есть ли в этом совпадении некая загадка для литературоведов, достойная исследования, в результате которого может вдруг оказаться, что эти писатели – дальние родственники? Тем более что родились они (по российским меркам) не столь уж далеко друг от друга: Н.И. Мамин – на Волге, Д.Н. Мамин-Сибиряк – на Урале.

Откуда же взялся в Красноярске Николай Иванович Мамин, родившийся на Волге, а первую книгу издавший в Ленинграде?

Родился он 24 октября 1906 г. в большом волжском селе Балакове. Ныне это крупный город с машино- и судостроительными заводами, начало которым было положено семьёй промышленников Маминых. Отец Николая, инженер Иван Васильевич Мамин (1876–1938) умер в заключении как «враг народа». Его имя было занесено затем в Большую Советскую Энциклопедию, сконструировал первый в России дизельный двигатель и основал вместе со своим братом Яковом Васильевичем Маминым завод «Русский дизель», который начал в 1913 г. выпускать первые русские трактора. Причём сын Ивана Васильевича Николай Мамин никогда не скрывал своего происхождения – скорее, наоборот, гордился им и писал о нём во всех анкетах,

когда подобная анкетная подробность была чревата последствиями: это было всё равно, что подписать самому себе судебный приговор...

Окончив, уже в советское время, среднюю школу, молодой Николай Мамин приезжает в Москву, начинает работать на предприятии, поступает в Московский университет. Затем 4 года служит в Кронштадте, в военном флоте. Всю жизнь потом он гордился тем, что был старшиной на знаменитом крейсере «Аврора» и ходил на нём вместе с командой в заграничные походы.

Одновременно со всем этим в начале 30-х годов он начинает литературную деятельность, занимается в Ленинградском литературном объединении Красной Армии и Флота (ЛЮКАФ) вместе с получившими потом широкую известность советскими поэтами и писателями Ольгой Берггольц, Леонидом Соболевым, Геннадием Фиш и др., а затем, после демобилизации из флота, становится профессиональным писателем, и писательская судьба его складывается блестяще: его проза, стихи, очерки печатаются в популярных литературных журналах «Знамя», «Звезда», «Молодая гвардия», «Смена»; в 1933 г. выходит его первая книга, сборник рассказов «Якобинцы», подготовлена вторая; он принят в Союз писателей и прочно входит в плеяду профессиональных советских писателей-маринистов...

Но в 1936 г. всё разом обрывается: арест. Повод – смехотворный: у него дома находят при обыске среди прочих книг книгу репрессированного автора. В результате забраны и уничтожены все рукописи, рассыпан набор новой книги, и – 8 лет лагерей. Я думаю, мотив всё-таки был другой: сталинскому режиму мешало непролетарское происхождение и интеллигентность молодого писателя; режим предпочитал выкашивать и истирать в лагерную пыль всё наиболее индивидуальное, яркое и талантливое.

Заключение он отбывал в «Ухталлаге» (Коми АССР). Это был один из островов «Архипелага Гулаг», своего рода государство в государстве: территория «Ухталлага» была растянута на тысячу с лишним километров, и работали там около ста тысяч заключённых: бурили землю на нефть, строили дороги, валили лес и возили его на строительство воркутинских шахт. В этом лагере он потихоньку делал «производственную карьеру»: начав лесорубом, работал потом шофёром, автомехаником. Заниматься писательской работой там, разумеется, не было никакой возможности, однако он умудрялся вести дневники, и эти дневники он сумел сохранить.

В 1944 г. Николай Иванович освобождается из заключения, однако ещё 2 года живёт и работает там, будучи в ссылке. В 1946 г. освобождается полностью, поселяется сначала в Подмосковье, затем уезжает в Литву (у него остается «поражение в правах»: ему отныне запрещено жить в столице и других больших городах) и тотчас окунается в литературную работу, пишет и подготавливает к изданию новую книгу. Но в 1949 г. – новый арест; опять уничтожение всех рукописей (в том числе и рукописи новой книги, бесследно исчезнувшей) и 10-летняя ссылка, только теперь – в глушь Красноярского края, в село Мотыгино на Ангаре; повод – перекалфикация прошлой судимости: сталинской репрессивной машине, видите ли, не удалось за 10 лет истереть человека в пыль...

Живя на Ангаре, он сменил несколько рабочих профессий: лесоруба, рабочего геологической партии, моториста на катере, – и упорно продолжал при этом писать «в стол»... После смерти Сталина в 1953 г. надзор за ссыльными ослабел, и Николай Иванович смог перейти работать в местной газете.

Только в 1958 г. ему выдают справку о полной реабилитации. Наконец-то свободен! Позади – 22 года репрессий, подорвавших его здоровье, 22 года потерянного для полноценного творчества времени. Однако выдержавший все испытания, но не сломленный, писатель тотчас же переезжает в село Лукино под Красноярском, восстанавливается в Союзе писателей, становится членом Красноярской писательской организации и начинает новый плодотворный период писательской деятельности. За следующие 10 лет он дописывает задуманные ранее произведения, пишет новые, подготавливает и издаёт в Красноярске и Москве одну за другой 5

книг: повести «Знамя девятого полка» (1958-й и 1961 гг.) и «Витязи студёного моря» (1966), сборники повестей «Валеркина любовь» (1959) и «Крохальский серпантин» (1966), роман «Законы совместного плавания» (1967).

Весной 1966 г., будучи молодым инженером-строителем, начавшим писать рассказы, я свёл с ним знакомство. Это был невысокий, сухонький пожилой человек с выцветшими голубыми глазами и ртом, полным стальных зубов (а ведь ему тогда ещё и шестидесяти не было – какая огромная разница с молодежью, упитанными лицами нынешних шестидесятилетних мужчин, которых и пожилыми-то назвать язык не повернётся – только цветущими!).

Однако через полчаса общения с ним ты совершенно забывал о том, что перед тобой пожилой человек с измождённым лицом – настолько он был живым, общительным, приветливым человеком с искрящимися от добросердечия глазами; он будто набрасывался на тебя с любопытством и в то же время – с весёлой лукавостью: а ну-ка посмотрим сейчас, что ты за человек! – так что разница в возрасте моментально таяла; с ним было необыкновенно легко и просто разговаривать – будто общаешься с душевно близким сверстником.

Со временем, получше узнав и самого Николая Ивановича, и его прошлое, я, кажется, стал понимать, откуда у него столько приветливости и добросердечия: в нём, видимо, осталась заложенная с младенчества старая русская культура, которую он сумел в себе чудом сохранить – культура не как вежливость и начитанность (хотя и это тоже неотъемлемые составляющие её), а культура в виде тех привитых человеку свойств, которые помогают ему оставаться душевно красивым и человечным всегда, в любых обстоятельствах...

С большим интересом слушал я также его рассказы о седых, легендарных, как мне тогда казалось, временах сорокалетней давности: о том, как он учился в конце 20-х – начале 30-х годов литературному мастерству в молодёжных студиях Москвы и Ленинграда вместе с будущими известными советскими писателями и поэтами, как увлекался футуризмом, слушал выступления В. Маяковского.

Необыкновенно живому характеру и неуёмной душе Николая Ивановича явно не хватало пережитого – он много ездил по краю. А в 1968 г. задумал плавание на Дальний Восток Северным морским путём с караваном судов. Путешествие закончилось трагически: в то лето в Северном Ледовитом океане была суровая ледовая обстановка, караван не успел пройти Северный морской путь в течение лета, в Беринговом море попал в сильный зимний шторм, его разбросало, и судно, на котором плыл Николай Иванович, выбросило на мель; высадка всей команды на берег, безуспешная попытка найти местную метеостанцию и – гибель Николая Ивановича 9 октября 1968 г. от переохлаждения и потери сил после перехода вброд речки в условиях начавшейся зимы. Похоронен он в далёком посёлке Беринговский на берегу Анадырского залива.

После его гибели, кроме изданных рассказов, повестей и романа, в архивах его осталось много черновиков, незаконченных и недоработанных произведений, требующих литературоведческого изучения, доработки и возможного издания. Так, имеется черновик толстого, многостраничного романа «Тракт, на котором буксуют», сохранились лагерные дневники, имеющие определённую историческую ценность, как документ эпохи, которые требуют расшифровки и литературной обработки, имеются черновики неизданных рассказов и повестей.

Предлагаемые читателю повести, собранные в настоящей книге, казалось бы, просты: сюжеты их содержат реальные, подсмотренные в современной писателю жизни бытовые коллизии; герои их взяты из повседневности и узнаваемы; легко узнаваема и география повествований: это те самые места, где приходилось жить самому автору; угадываются названия городов, сёл, рек и речек, слегка изменённые автором. И при этом повести эти, с их бытовым реализмом, словно неким светом, пронизаны лёгкими, едва различимыми слухом романтическими нотами, опозитизированы, открывая в простом и привычном мире какие-то новые грани и новые смыслы.

Действие в короткой повести «Валеркина любовь» происходит среди команды грузо-пассажирского теплохода, курсирующего по реке; и как-то незаметно среди деталей быта просто-душно-грубоватой команды постепенно вырисовывается линия робкой, чистой, ещё стыдливой влюбленности юного, но своенравного матроса Валерки в молодую, красивую, но строгую «штурманшу» теплохода Антонину Николаевну, и её забота о нём, помогающая ему найти своё место в жизни.

Место действия повести «Златые горы» – послевоенный таёжный посёлок небольшого, добывающего золото предприятия, в котором собраны люди с самыми разными, отчасти и трудными, судьбами. Писатель рассказывает в повести о том, как движимый любовью и состраданием демобилизованный моряк Дмитрий Шерстнёв спасает совершившую преступление Тамару Земскову, открывая перед ней новый, честный и чистый путь в жизни.

Повести эти не издавались более сорока лет; хочется надеяться, что они заинтересуют и сегодняшнего читателя, в первую очередь – юного: ведь темы мужества, товарищества, любви, душевной щедрости, уважения и доверия к человеку являются нестареющими, вечными в литературе, сохраняют и умножают неумирающую красоту мира и особенно ценны и дефицитны, когда общество начинает забывать о них.

*Александр Астраханцев,
член Союза российских писателей*

Валеркина любовь Повесть

Второй механик «Орлёнка» Борис Числов, белоголовый, лобастый и очень озабоченный, наступая на ноги многочисленных пассажиров, быстренько протопал по коридору в штурманскую рубку. По одному тому, что его крутой, рано польсевший лоб был измазан солидолом, Антонина Николаевна сразу поняла: в машине неблагополучно.

В этот ералашный рейс из Промоткина везли учеников в пионерлагерь, и на «Орлёнке» было особенно тесно. Любопытные и крикливые, как галчата, ребяташки путались под ногами всюду, и только в штурманской рубке было сравнительно тихо.

Где-то одним этажом ниже суматошливо отбивали свою железную чечётку дизеля, а здесь только туго поскрипывал штурвал под руками рулевого да за приоткрытым ветровым стеклом ярилась и бурлила сверкающая под солнцем, взъерошенная «низовой» и близкой каменной грядкой река.

Борис Числов что-то негромко и значительно сказал на ухо капитану Сергею Сергеевичу, и тот очень категорически ему ответил.

Сзади в стеклянный фонарь рубки заглядывали повязанные красными галстуками ребяташки, кто-то маленький, привставая на цыпочки, придавливал свой облупленный носик к толстому стеклу, а лица капитана и второго механика были совсем по-будничному обыденны и озабоченно хмуры.

Когда Борис Числов, досадливо покрикивая на детвору, заклинившую его в белой узости коридора, ушёл в корму, к дизелям, грохочущим по-прежнему, капитан своей тяжёлой катерной походкой вышел из рубки на мостик и невозмутимо отыграл ручками машинного телеграфа «малый вперёд».

Дизеля сразу задышали ровнее, и стал слышен тоненький голос губной гармошки из кормовой пассажирской каюты.

Пузатый, словно паузок, «Орлёнок», паруся всеми своими высокими надстройками, как обычно на малом ходу, начал рыскать носом и уваливаться в сторону. Рулевой Валерий Долженко, избалованный, но знающий дело юнец, неодобрительно глянув на капитана, вдруг совсем независимо, вслух чертыхнулся и яростно закричал штурвалом, удерживая капризный теплоходик на узком фарватере.

– Ох, урос проклятый! – непонятно кому, капитану или судну, пригрозил он со страдальческим выражением потного лица, повиснув на скрипучем, обитом медью штурвале.

– За бакен – ни шагу. Так держать, – строго и совсем не по-речному предостерег его Сергей Сергеич и, по самые локти втиснув руки в карманы потёртого синего кителька, размеренно заходил по мостику – три шага туда, три обратно.

– С машиной что-нибудь, Сергей Сергеич? – всё-таки не выдержав напряжённости всей пантомимы, спросила Антонина Николаевна.

– Пустяки. Мелочь, – хмуро и отчётливо ответил капитан, но Антонина слишком хорошо его знала, чтобы поверить этим безразличным словам, и, ни о чём больше не расспрашивая, побежала в машинное отделение.

В пассажирских каютах совсем по-птичьему гомонили детские голоса, пробираясь в дамки, стучали по раскладным клетчатым доскам кругляши шашек и всё настойчивее пиликала губная гармоника. Весь теплоходик звенел и наигрывал всякие весёленькие мелодии совсем как музыкальная шкатулка, казалось, даже его покрашенные белилами борта и переборки стали наряднее, словно языки алого пламени, отражая пионерские галстуки.

Но в машинном отделении между рёбрами шпангоутов гулко плескалась маслянистая чёрная вода, подступая к двухтавровому дизельному постаменту, и с флюрханьем, с сопеньем ходила, закручиваясь воронками над приёмниками работающих в ней аварийных помп.

Белоголовый, как полярная сова, Борис сидел на корточках в этой живой подвижной воде, уже до пояса мокрый, и полными пригоршнями, словно глину, намазывал солидол на войлочную заглушку, притиснутую двумя распорками к борту. Из-под заглушки, тускло посверкивая, по чёрному железу сбегали юркие струйки.

– Пустяки! – насмешливо сказала Антонина Николаевна, опускаясь на корточки рядом с Борисом и от волнения почти не чувствуя холодка воды, сразу залившейся ей за хромовые голенища.

– Вибрация, – угрюмо поправил Борис и, вытерев руки, неожиданно оживился. – Понимаешь, штурман, от подводного выхлопа сантиметров на тридцать шовчик разошёлся. Ну, теперь то всё... Намертво укупорено.

Обратно в рубку Антонина Николаевна шла не торопясь, останавливаясь возле особенно шумных групп ребятшек и заговаривая с ними. Она смеялась, слушая бесхитростные детские похвалы беленькому «Орлёнку», а в глазах её стояла грусть.

Хорошо ещё, что капитан со вторым механиком сразу придумали эту заглушку и не отказали насосы...

А в рубке отрывисто и через длинные паузы звучали два одинаково недовольных голоса – Валерки и капитана.

– Вправо не уваливайся. Неужели ещё тебя учить? – укоризненно гудел Сергей Сергеевич.

– Во-первых, парусит он всем хутором, – не уступал Валерка.

– Во-вторых, свальное течение...

– В-третьих, разговоры.

– А как же молчать, раз на таком ходу он ни чёрта руля не слушает? Неужели нельзя среднего дать?

– Нельзя.

– Почему?

– Всё будешь знать – скоро состаришься. Левай, левай. Сказано, к бакену не жмись.

Антонина опять увидела руки Бориса в тягучем жёлтом солидоле и словно сердцем почувствовала, как вода отжимает войлочный пластырь – чем быстрее ход, тем сильнее. За её плечами гомонили ребятишки, и тоненький девчачий голосок, захлёбываясь от спешки, испуганно радостно рассказывал:

– И говорит ему Василиса Прекрасная густым басом: «Забирай ты, Иван Царевич, своего серого волка и катись ты с ним вдоль по зелёной улице». Это дедушка мне так сказку про жар-птицу и Иван-Царевича рассказывал. Он у нас шутник страшный, дедушка...

А скрытая распря капитана и рулевого за стеклянной стенкой над рогатым колёсиком уже доходила до предельной точки, и голос Сергея Сергеича становился всё суше и официальнее.

– Прекрати посторонние разговоры, Долженко.

– Есть прекратить! Только вы сами знаете – они никак не посторонние, – уныло бубнил мальчишка, стараясь, впрочем, как можно точнее вести теплоход по самой середине фарватера, прекрасно зная, что за точность проводки капитан простит ему многое, в том числе и любые разговоры. – Я же вас о деле прошу. Фактически что получается: хода нет, а спрашиваете с рулевого. Это же несправедливо.

Опасаясь, что капитанское терпенье может всё-таки лопнуть, Антонина Николаевна взялась за медную ручку двери.

С её приходом Сергей Сергеич, только буркнув: – Пойду взгляну, как там, – сразу вышел из рубки, а Валерка встал за штурвалом так, словно ему подали команду «смирно». Антонина Николаевна только вздохнула. И до чего же это тяжёлый случай на транспорте – рулевой Валерий Долженко.

Но не успел «Орлёнок» подойти к Листвяжному Логу, как Сергей Сергеич за пререкания всё-таки снял Валерку с вахты.

В штурманской рубке по этому случаю было так накурено, что казалось, даже стёкла её стали голубыми. Кроме самого Сергея Сергеича, сопевшего расколотой чёрной трубкой, которую он никак не мог собраться выкинуть за борт, и механика Бориса Числова, кадрового курильщика, даже штурман Антонина Николаевна взяла из чьего-то портсигара папиросу и теперь, не затягиваясь, неумело пускала дым прямо в стекло рубки, стоя ко всем спиной.

Почему это её так задевало?

Разговор за плечами «штурманши» шёл, как бы никого конкретно не касаясь, тем более её, самой уважаемой из четырёх женщин «Орлёнка».

– Ты, Борис Иванович, этого по годам знать не обязан, а я знаю, – густо попыхивая дымком, говорил белоголовому Борису капитан Сергей Сергеевич, сидящий крепыш из демобилизованных военных моряков-сверхсрочников, – потому она такая у нас и получается, молодёжь, что ей за профессию биться не пришлось. Знаете вы, например, про биржу труда что-нибудь? Нет. Как пробу при ней сдавали, слышали? Тоже нет. Не прошли этой школы. На готовом выросли. Только иди работай.

Капитан, вдруг нахмурился, громко застучал ногтем в ветровое переднее стекло.

Курносая веснушчатая девушка в лыжных штанах и коротенькой телогрейке с хлястиком, усердно свёртывавшая в «бухту» пеньковый трос на носу теплохода, подняла к капитану сразу насторожившееся лицо.

Сергей Сергеевич выразительно начертил на стекле какую-то спираль и девушка, ещё больше смутясь, принялась перекручивать трос в обратную сторону, по часовой стрелке.

– Ха! Всё молодёжь да молодёжь. Ну, а сами старики так ни в чём и не виноваты? – словно про себя суховато сказала Антонина Николаевна и ободряюще усмехнулась сквозь стекло девушке-матросу, показав при этом в слитном ряду своих белых и крепких зубов один золотой зуб, словно блестящую застёжку в жемчугах.

– Это кто, старики-то? – спросил Сергей Сергеич.

– Да мы с вами. Те, кто командует, – так же суховато и бесстрастно отрезала Антонина, и, хотя ей не было ещё и тридцати, капитан не стал спорить.

Чёрные крапинки в её ярко-карих, напоминающих кофейные зёрна глазах были совсем как у Нюши – почтальона из бухты Долгой в Заполярье времён войны. И характер был похожий.

Сергей Сергеич смотрел на перешитые по ноге казённые сапожки Антонины, на форменный китель с прямыми плечиками, на неуместившиеся под форменным беретиком русые волосы и с грустью думал о том, как в сущности давно всё это было – война, бригада катеров, Заполярье, Нюша... Где-то она теперь? А он вот явно стареет.

– Так нам-то что делать, раз они сами о себе думать не хотят? – всё ещё сердито, но уже не так уверенно спросил капитан.

– Работать с людьми, вот что делать! – в тон ему ответила Антонина Николаевна и, сунув потухшую папиросу в медную плевательницу, вышла из рубки.

– То-то ты работаешь... Неужели всё-таки правду про неё болтают? – значительно и убито спросил механик, намекая именно на то, о чём в рубке на этот раз не говорили.

Капитан внезапно покраснел так, что стала заметнее седина на висках.

– Ещё этого не хватало, чтобы и вы стали сплетничать, товарищ Числов, – сдержанно сказал он, только своим необычным «вы» и выдавая всю горечь обиды.

– Сергей Сергеич, отец родной! – больше чем выговора самого начальника пароходства испугался капитанского «вы» механик, – да уж с тобой-то я могу быть откровенным? Ведь по всему плёсу звонят!

– Это не откровенность, а глупость, – сухо отказался от полного примирения Сергей Сергеич и вдруг обеспокоенно покосился на серое небо. Сказал уже помягче: – Пойду кадушку с рыбой закрыть – ночью дождь будет.

Числов грустно посмотрел вслед своему капитану – за три года «местной» службы он, насколько хватало его простецкой души, привязался к этому сидящему крепышу с улыбкой младенца, и его резкость и обида были добродушному механику в большую тяжесть. Ведь, главное, мужик-то он был мировой, их мешковатый «Серёга».

Вот и сейчас – нет, чтобы вахтенному матросу приказать – полез сам. Купил «наверху» малосольной стерлядки и носится с ней, как кошка с салом. Что попишешь, коли семья шесть человек, работник один и трое учатся.

Ноги сами понесли было Бориса Ивановича вслед за капитаном, чтобы помочь ему накрыть кадушку брезентом, поминутно срываемым «низовой», но уже за дверью он остановился и, глубоко вздохнув, повернул в коридор – ещё за подхалимаж бы в сердцах не принял, старый ворчун.

А Валерка лежал поверх одеяла в общей каюте, которую они, матросы, занимали втроём, и не отрываясь смотрел в покрашенные под орех дощечки верхней койки.

– Так билеты на всех брать? – будто ничего особенного не произошло, спросила Нина-матроска у мужа – рулевого Павлика, Валеркиного сменщика. – На третий сеанс, да? Капитан тоже идёт. Сильно картину хвалят.

Валерка хмуро промолчал и вдруг сел на койке – всё в нём было ещё юношеское, угловатое и не сформировавшееся до конца, только большие красные руки да суровые очень светлые глаза северянина стали уже мужскими.

– Ка-пи-тан! – хриплым баском сказал Валерка. – Па-а-думаешь, культ личности! Да что я, хуже его фарватер знаю? Вон в тот рейс исключительно из-за его характера три лишних часа на Шанежной шивере проконоводились. И все вы это знаете. И все молчите. А раз он картину похвалил, так уж готовы в дверях задавиться. Не пойду я в кино. Мне билета не надо, – и снова повалился на койку.

– Так ведь картину-то все хвалят, – миролюбиво ответил уживчивый Павлик, но Валерка продолжал молча рассматривать дощечки верхней койки. Переодевшись, Нина и Павлик ушли.

Отстучала железная палуба под ногами последнего сходящего на берег речника – старшего механика Тодорского, с парой книг под мышкой пошедшего в районную библиотеку.

Тодорский был абонентом чуть ли не всех библиотек водного участка, который обслуживал «Орлёнок», единственный теплоход, поднимавшийся сюда после спада воды.

На борту остались только вахтенный матрос Шура Якушева, повариха, или, как все её звали, «кока» тётя Поля, да Валерка, никак не могущий решить, пойти ли ему к Кеше Кулькову самому или дождаться Кешу на теплоходе. Незамеченным от друга Кеша приход «Орлёнка» остаться не мог. Ещё таких нудных подвывающих сирен, как у них, на всём участке не было. Значит, если «Меридиан» не угнали на тот берег, Кеша с минуты на минуту должен был заявиться.

В корме вдруг затарахтел моторчик электросети и в сгустившихся сумерках каюты начал наливаться жиденьким светом матовый шар плафона. Валерка вздохнул и закрыл глаза.

Всё на этом теплоходе, заброшенном в несусветную глухомань почти несудоходной реки, было обыденно и домашне до крайности – даже сирену на мостике прокручивали здесь вручную, как мясорубку, а годовалые пассажиры запросто ползали между покрытыми дерматинном диванчиками двух больших пассажирских кают. Диванчики были прикручены к палубе намертво, в два ряда, и проход между ними был чуть пошире, чем в самом обычном городском автобусе.

Команда, когда вокруг не было посторонних ушей, так и звала своего «Орлёнка» – автобус, не всегда прибавляя и слово «водный». Только рейсы у «Орлёнка» были по длине почти как у доброго теплохода – километров на пятьсот и больше.

Река была большой, чуть поуже Волги, но бестолковой, и в навигационном отношении очень каверзной. Текла она в каменном лотке гористых берегов, перехваченном грядами подводных скал, и славилась на всю Сибирь своей необычно чистой зелёной водой. Но, конечно, до моря ей было ещё очень далеко. До того самого то серо-стального, то ярко-синего огромного моря, по которому ходят линейные крейсера и быстроходные, непохожие на «Орлёнка» дизель-электроходы. Но и она умела привораживать сердца.

Обо всём этом уже не в первый раз думал Валерка, лёжа поверх синего суконного одеяла в своей каютке на троих, узенькой, как положенный на бок платяной шкаф.

Ощущение узости, томившее Валерку все последние дни, вдруг стало невыносимым и он, сорвав с гвоздя новенькую фуражку-мичманку и макинтош, толкнувшись плечом в косяк, вышел из каюты.

Листвяжный Лог уже отражался жёлтыми глазами окон в спокойной вечерней воде. Дымные голубые сумерки клубились над яром. Ветер к ночи упал до ноля, пахло недавним дождём и пристанские сходни были сырые и тёмные.

Кешу Валерка узнал издали, по свисту. Узорной тоненькой стёжкой вился озорной мотивчик его песенки:

На кораблях ходил, бывало, в плаванье,
В чужих морях тонул и штормовал...

Валерка облегчённо вздохнул – всё-таки шёл, хотя и легкомысленный, но бесспорно свой человек.

Легонько заскрипели сходни – как стайка чирков пролетела.

Кеша шёл, повихливаясь, особой развалистой походкой старого морского волка, так, что его широченный клёш, как чёрное знамя, бился вокруг ног.

Всем внешним видом Кеша явно подражал кому-то, кому именно, он, вероятно, по молодости лет не знал и сам.

Но всё в нём, от кургузого бушлатика с двумя рядами надраенных медных пуговиц до татуировок на руках и распахнутой полосатой груди, было каким-то ненастоящим, чуть-чуть блатным.

– Встретил ваших, – вместо приветствия угрюмо, но сочувственно сказал Кеша, протягивая Валерке исколотую синими якорями руку. – Шипят они на тебя. Я спрашиваю: «Валерий на коробке?», а Сергей Сергеич...

Валерка поморщился, словно ему наступили на мозоль.

– Ладно. Пошли.

Кеша поднял брови, но спорить не стал.

Болтая о пустяках, они поднялись в гору.

Пожалуй, покладистость была самым дорогим товарищеским свойством моториста Кеши с «Меридиана» – авиапортовской моторки, переделанной в катер из огромного поплавок аварийного гидросамолёта.

Покрашенный в шаровый военный цвет, узкий и длинный, как японская пуля, корпус «Меридиана», вероятно, влиял и на внешний вид Кеши.

Именно после того, как начальник авиапорта подписал приказ о назначении его мотористом на катер, Кеша всеми правдами-неправдами взялся раздобывать себе флотскую «робу», используя любые источники – от двоюродного брата Виталия, демобилизовавшегося прошлой осенью старшины второй статьи, до «барахолки» краевого города.

Но мотор Кеши знал основательно, катерок свой держал в порядке и, несмотря на покладистость характера, иногда умел быть и упорным, по несколько раз возвращаясь к одному и тому же, казалось, уже окончательно обсуждённому предмету.

– Ну и как? – спросил он, вдруг останавливаясь на самой середине взвоза, и показал глазом в сторону острова на реке. Остров был большой и плоский, с двумя домиками, пёстрым метеорологическим колпаком на мачте, воткнутой с краю большого серого поля.

– Великолепно, – безразлично пожал плечами Валерка.

– Что великолепно?

– А что как?

– Будто не знаешь что? Я ж тебе добра желаю. Нет, ты, однако, подумай ещё раз.

Валерка хотел сказать, что пусть думают лошади, у которых большая голова, но поморщился и промолчал.

– Решайся, пока человека не нашли, – бубнил своё Кеша. – Твоё дело только заявление написать. Я уже договорился с начальником. Катер-то простаивает.

Валерка покачал головой и глубоко-глубоко вздохнул.

– Никуда я с «Орлёнка» не пойду – всё-таки фарватер, практика, а не ваши заезды вокруг столбика.

– Подумаешь, водник, речник немислимый! Весь киль в ракушках, – обиженно забурчал Кеша. – Люди не меньше тебя водники да речники. Да если ты хочешь знать, меня на «Кузьму Минина» без слова берут, только пикни!

– Ну и пищи. Что же ты не пищишь, коли берут? Тебе хоть свой гидролапоть промеж островов гонять, хоть на «Кузьму» податься, абы до призыва дотянуть, а я третью навигацию на одном судне и... к людям привык.

Кеша, только укоризненно сопя, поглядел мимо глаз друга в дымную даль реки, по которой, несмотря на конец мая, уже стлалось марево раннего пала, – не мог же он сказать вслух, что именно вот эта-то привычка к людям, в частности к нему, белоглазому Валерке, и держит его на «Меридиане» – как-никак, а раз в неделю встретиться можно. А уйди на «Кузьму» – где «Кузьма», где «Орлёнок»! Так до самого зимнего отстоя и не поговоришь ни одного вечера. А разве он виноват, что, неделю не повидав Валерку, начинает по нему скучать?

Но ничего этого не сказал Кеша, только глубоко вздохнул.

– На одном судне? – с большим опозданием, но очень саркастически переспросил он. – Это «Орлёнок»-то судно? «Привык к людям!» А что ты про этих людей только что говорил? Эх, и до чего же ты поперечный человек, Валерий!

Он помолчал и как ни в чём не бывало вдруг спросил совершенно спокойно:

– А может, всё-таки перетащим чемоданишки на «Кузьму» на пару, а? У меня ведь и там со старшим помощником всё обговорено. И дружбы ради не пойдёшь?

Кеша просительно взял Валерку за пуговицу синего макинтоша.

– Ну, а ты, дружбы ради можешь понять... – начал было Валерка и наотмашь рубанул ребром руки сизый дым собственной папиросы.

Листвяжный Лог – старинное околоприискское село в три долгих улицы вытянулось вдоль яра.

Где-то за мохнатыми хребтами, за таёжным палом догорал мутный жёлто-зелёный, охвативший полнеба закат. С реки тянуло свежестью и смолой. Радио спорило с коровьим рёвом.

Друзья шли по Партизанской, главной улице села. Покосись, словно баржи, вылезшие на мель, но ещё готовые поспорить со временем, стояли среди новых построек шатровые дома уже вымерших старожилов прежнего приискательского Листвяжного Лога.

Уж не одно поколение логожан жило возле золотых приисков, возле тайги и её тяжёлых, но верных заработков, до самой смерти не побывав дальше своего района, а вот Валерка с Кешей хотели жить по-своему, возле воды, по возможности большой и солёной.

– Значит, решительно? – грустно спросил Кеша.

– Решительно. Я метаться не стану. У меня компасный курс определённый. А ты мечешься. На черта тебе паровой «Кузьма Минин»? Чего-то ищешь, а чего, и сам не знаешь. Уж раз пошёл по мотору...

– И ты не знаешь. А на «Кузьме»...

– Нет, я знаю, – Валерка мотнул своим волнистым чубом, который был гораздо светлее его загорелого лба. – Я тебе ещё прошлой осенью сказал: через три года буду капитаном. Ясно? Я и сейчас не меньше Серёги знаю. И на курсы они меня пошлют – никуда не денутся...

– Ну, ладно – не хочешь – не надо. Без тебя и я никуда не пойду, – вдруг решительно отрубил Кеша.

– Будем плавать по-старому... до осени. А там на призыв. Точка. Но учти... – Кеша угрожающе помахал пальцем. – Я ж тебе добра хочу и не только о себе думаю. И я ж тебе давно толкую. Бросай ты свой автобус. Уходи, пока не поздно. Да хоть в Золотопродскаб, если к нам не хочешь. Они старшину на «Старателя» ищут. А с «Орлёнка» тебя на курсы не пошлют. Съедят они тебя вместе с твоим синим плащом. Не ко двору ты им пришёлся. У вас характера не любят.

Кеша говорил бессвязно, горячо, придвинув лицо вплотную к лицу Валерки. Его маленькие карие глазки весёлого медвежонка, погрузнев, смотрели прямо в Валеркину переносицу не мигая – человек был совершенно искренне взволнован. Валерка поднял к Кеше свои ясно-голубые поморские глаза, хотел что-то сказать, но только коротко щелкнул пальцами. Даже авиапортовскому Кеше, земляку и однокашнику по семилетке и курсам рулевых, он не мог доверить такого тонкого дела.

– Это кто съест! Серёга? За что он меня съест? – угрожающе спросил вдруг он, словно горечь Кешкиных слов только сейчас дошла до его сердца. – Что, я своего дела не знаю?

– Он найдёт за что. Капитан всё-таки. Особенно не хорохорься.

Валерка медленно, упрямо покачал головой. Глаза его потемнели.

– Сказано, я сам таким капитаном через три года буду... если захочу. А может, ещё и получше. Да.

Но совсем не обида вдруг развязала Валерке язык.

Просто оно, словно неуклонно поднимающееся давление пара в котле, всё сильнее распирало сердце. А Кеша Кульков, несмотря на вечные увлечения и фантазии, был всё-таки своим человеком.

– Иннокентий, ты молчать умеешь? – сурово спросил Валерка, кладя свою широкую ладонь на татуированный Кешин кулак.

– Могила, – клятвенно сказал Кеша.

– Так вот, учти – не могу я с «Орлёнка» уйти и не только из-за речкой практики, – Валерка зажмурился, словно готовясь к прыжку с высоты в холодную воду, и шёпотом досказал: – Через Антонину не могу. День её не увидеть – легче на камни со всего хода сесть.

Кеша даже качнулся от неожиданности и посмотрел на друга так, словно тот на глазах начал покрываться какими-то диковинными узорами.

– Так ведь она старуха. И с мужем развелась. Что тебе, девчонок нет?

Валерка ничего не ответил, опустив голову так, что его льняной чуб закрывал глаза.

«Куда ведёшь, тропинка милая...», – где-то вдали тоненько пело радио.

– Какая же старуха? Двадцать восемь лет, – обиженно заворчал Валерий. – А насчёт мужа, так это неправда. То есть правда, но только он пьяницей был и... такого человека не стоил.

Они сидели над рекой, пока их не окутала влажная, простреленная редкими звёздами ночь. Потом, обнявшись, пошли.

Спускаясь с крутого яра к пристани, негромко запели старую матросскую песню о широко раскинувшемся море и о кочегаре, смертельно заболевшем на вахте.

От реки пахло мокрой рыбацкой снастью и вместе с порывами ветра наносило тревожный запах дальнего лесного пожара.

Позже Валерка сидел в верхнем пассажирском зале «Орлёнка», без людей казавшемся очень большим, в самом дальнем его углу, за умывальником и трапом вниз, невидимый из коридора, ведущего в штурманскую рубку, и едкая мальчишеская ревность колола его сердце словно меленькая щетина, насыпанная в рану.

Сергей Сергеевич и «штурманша» разговаривали о чём-то весёлом, стоя возле капитанской каюты, а когда они зашли в неё – капитан впереди, а Антонина Николаевна следом – Валерка вдруг почувствовал, что она сейчас взорвёт его сердце.

Но Антонина сразу же вышла из каюты капитана, держа под мышкой какую-то толстую растрёпанную книгу, и Валеркино сердце опять отпустило.

А когда «штурманша» через несколько минут уже с небольшим медным чайником вышла из своей каюты, бывшей как раз дверь в дверь напротив капитанской, и совсем по-девчоночьи легко побежала на камбуз, Валерка поднялся из засады и пошёл ей навстречу.

Антонина уже сняла свой форменный прямоплечий китель с золотыми обручами на рукавах и была в мохнатом синем свитере, плотно облегавшем её стройную фигурку.

Стараясь не смотреть на её небольшую, совсем девичью грудь, Валерка сказал угрюмым молодым басом:

– Антонина Николаевна, я к вам как к профоргу. Он же неправильно снял меня сегодня с вахты. Я же тогда не был пьян.

Антонина остановилась, и её крылатые брови, широкие над переносьем и узенькие к вискам, гневно сдвинулись и всю её словно подменили.

– А сейчас ты уж не выпил ли? – сухо сказала она, и словно стеклянная стенка встала между ней и Валеркой, так холодны и отчужденны стали ее карие глаза с едва заметными черными крапинками возле самых зрачков, – сейчас же отправляйся спать! Мне стыдно за тебя, Валерий Долженко!

Она обошла Валерку, как не у места поставленный пиллерс, и, твёрдо постукивая каблучками, спустилась по трапу вниз, на камбуз, пряменькая, подобранная и вся какая-то страшно отдалившаяся, словно видимая в стёкла перевёрнутого не той стороной к глазам бинокля.

Валерка так и остался стоять возле обнесённого точёными перильцами трапа.

Кованая дорожка лунного света лежала на воде, и по ней было видно, что река текучая, живая.

Скуластая азиатская луна, вылезая из-за прибрежного леса, плялилась в самый иллюминатор. Её словно приплюснуло и растянуло испарениями, встающими над рекой и как кривое зеркало искажающими ночную зыбкую даль.

Антонина Николаевна глубоко вздохнула и захлопнула книгу, которую читала совершенно машинально, не запоминая ни единого слова. Было очевидно, что и её виденье мира перекосило совсем как эту приплюснутую рефракцией луну. Ну, что он ей дался, этот беспутный мальчишка, и почему его так жалко?

Вот и к капитану полезла совсем не со своей докукой, словно капитан сам не знает, как быть с такими занозистыми юнцами, возомнившими себя чёрт-те чем.

«Конечно, не знает, – упрямо подумала Антонина Николаевна и провела пальцем по столу прямую чёткую линию. – У него же мысли идут совсем как катера в походном строю. Да есть да, нет есть нет. А тут фарватер весьма извилистый. Сложный мальчишка».

Луна поднималась всё выше. Надо было как можно скорее постараться заснуть, потому что после бессонной ночи ходовая штурманская вахта среди частых отмелей и шивер становилась невыносимо трудной.

А сон упрямо не шёл, и с высокого обрывистого берега Листвяжного Лога доносились придыхающие приглушённо-страстные бормотания чьей-то заплутавшейся в ночи гитары.

– Тоже мне... Неаполь, – вспомнив итальянский кинофильм, только что отшумевший во всех клубах далёкой реки, насмешливо прошептала «штурманша» и вдруг поняла, откуда оно идёт к ней, это необычное ощущение раздвоенности и своей неясной вины перед кем-то очень близким – конечно, от Андрея.

...Откинув со лба воронёные тугие кудри, подчёркнуто небрежно развалясь на крытом чёрной клеёнкой диванчике в своей каюте на новеньком «Черняховском», Андрей дурашливо жеманно пощипывал гитарные струны и пел совсем несуразные ласковые слова:

Развернись, гармоника, по столику,
Я тебя как песню подниму...
Выходила тоненькая-тоненькая,
Тоней называлась потому.

А потом вдруг спросил совершенно серьёзно:

– Антонина Николаевна, а всё-таки, когда вы пойдёте за меня замуж! Сколько же можно ждать?

Тогда Антонина опять – в который уже раз – обратила всё в шутку и, отобрав у него гитару, сама попыталась что-то сыграть, но у неё не вышло так легко и просто, как всё получалось у Андрея, и стало неловко.

С того вечера прошёл ровно месяц, и между «Орлёнком» и «Черняховским», ушедшим на Подкаменную, лежали пороги, скалистые узости шивер и такие туманные, поросшие тайгой хребты, что их не всегда брало и радио.

Однако Антонина думала об этих необычных словах весь бесконечно тянувшийся месяц, и сложнее всего было то, что сама прекрасно знала – Андрей, конечно, обо всём догадывается. Они слишком давно и пристально изучали друг друга, чтобы ошибаться в таких вещах. Отношения их были совсем непростые. Две зимы просидев за одной партой на курсах комсостава речного флота, они всё-таки продолжали называть друг друга на вы и только по имени и отчеству, хотя все курсы – двадцать пять бывалых речников, в присутствии единственной среди них женщины умевшие не говорить лишнего, – в душе были уверены, что в конце концов их молчаливым однокурсникам не миновать загса. Но ни сама Антонина, ни Андрей до их последнего разговора в этом уверены не были.

Всё дело было в её несчастном первом замужестве.

– Пуганая ворона и на молочко дует, – перефразировав сразу две поговорки, любила невесело посмеяться над собой Антонина. Но легче ей от этого никогда не становилось.

За иллюминатором под чьими-то тяжёлыми шагами поскрипывала жиденькая сходня – совсем так, как поскрипывала она два с половиной года назад на «Академике Вильямсе», когда возвращался с берега пьяный кочегар Пашка Сычёв, её первый муж...

А она, вот так же зная, что в шесть надо заступать на рулевую вахту, ждала его, по целой ночи не сомкнув глаз в их «семейной» каюте.

От тех одиноких ночей, казалось, на всю жизнь осталась у неё обида на мужа, ненависть ко всем пьяницам вообще и чувство дочерней благодарности к своему тогдашнему капитану.

Ещё неизвестно, как бы распутался этот до крови затянувшийся узел её трудных отношений с первым мужем, если бы в дело не вмешался он, бессменный водитель «Академика» – всё примечательный, молчаливый и мрачновато-добрый старик с усами Тараса Шевченко и справедливым сердцем скрытного добряка.

Вот в этом же Листвяжном Логу он списал Павла Сычёва на берег с такой характеристикой, что места на реке даже в командах буксирных толкачей – «лаптёжников», ему уже после не нашлось, а её, тогда штатного рулевого Тоньку Сычёву, послал осенью на курсы комсостава, где она была единственной женщиной среди двадцати пяти буксирных старшин, боцманов и рулевых со значками отличников речного флота. Конечно, помогла и семилетка, бывшая за её плечами, но зимой затонские рассказывали, что старик-капитан сам дважды ходил к начальнику пароходства и всё-таки упросил его – опыта ради – принять Антонину на курсы, а прощаясь с ней, сказал, глядя в сторону:

– Конечно, дело не женское среди таких каменюк суда водить, но и упорство у тебя в жизни совсем не бабье, как я понял... Иди, учись. Никакой устав без исключений не бывает. Ещё и капитаном поплаваешь.

И вот она уже вторую навигацию «штурманит» на «Орлёнке», а Андрей при каждой встрече зовёт её переходить на «Черняховского», ссылаясь на вакантное место второго штурмана и пока что упорно неся двойную нагрузку и за первого, и за второго.

А капитан «Черняховского», плечистый крепыш, тоже из демобилизованных мичманов военного флота, как-то раз так прямо и сказал их «Серёге».

– Железной кости человек мой штурманец. Из таких бы болты делать. По-видимому, придётся тебе, дружок, своей штурманше всё же проводины устраивать. Быть ей у меня на «Черняховском»...

Сейчас, вспоминая эти откровенные слова, Антонина задумчиво и грустно улыбалась.

Но, спрашивается, при чём во всей этой, и так достаточно и простой, и сложной истории двух человеческих судеб был ещё и рулевой Валерий Долженко?

Антонина, не зажигая света, нащупала на столике в изголовье ручные часы – и без света было видно, что их стрелки вырезали из крохотного циферблата почти точно прямой угол. Было пять минут четвёртого.

– Называется – отдохнула! – сердитым шёпотом посетовала она и, сняв со спинки стула свой форменный прямоплечий китель, принялась подшивать свежий подворотничок. Игла ходила привычно, меленьким точным пунктиром протягивая нитку, а думалось всё об одном и том же. Андрей, она, Валерка... Где-то под тоненьким листом стали, накрытым корочкой линолеума, прямо под её босыми ногами была каюта рулевых.

«У, белоглазый чертыка! – и сердито, и сочувственно подумала вдруг Антонина. – Ведь пропадёшь ты без меня. Как задиристого щенка тебя затуркают и... на берег прогонят».

Казалось, хмурые глаза мальчишки и сквозь железную палубу смотрели на неё из пред-рассветных сумерек нижней каюты преданно и гордо, со злым обожанием, в котором он и ей самой, пожалуй, вряд ли бы открылся.

Антонина Николаевна опять, и сама этого не желая, думала о Валерке и глубоко, подавленно вздыхала...

Нет, судьба этого задиристого и способного юнца, что бы вокруг их странной дружбы ни болтали, не могла ей быть безразлична. Слишком много хороших людей помогали ей самой прочно встать на ноги, чтобы теперь она думала только о собственном спокойствии...

Ушли из Листвяжного Лога на рассвете, часа в четыре. Солнце ещё не встало, и река казалась отлитой из старинного голубого серебра с чернью.

Меленько сотрясаясь всем корпусом, «Орлёнок» выгребал на середину реки, и через штурвал, словно толчки собственной крови, ощущалось Валеркой сердцебиение его машины.

Фарватер до самой Шанежной шиверы был прост, как просёлочная дорога, – каменные грядки начинались выше. Но Валерка чувствовал, как, перегоняя топоток дизелей, гулко колотится его сердце.

Антонина Николаевна, твёрдым мужским движением поставив ручки машинного телеграфа на «полный вперёд», прохаживалась по мостику перед рубкой.

«Серёгины привычки. Ему подражает, – ревниво подумал Валерка. – Ну что в рубку не идёт?»

То ли от капюшона плаща, то ли от голубых теней рассвета лицо «штурманши» казалось бледнее чем обычно и, может быть, поэтому строже.

Только они двое да ещё дежурный дизелист и не спали на всём переполненном народом судёнышке.

Восток медленно наливался огнём.

«Орлёнок» шёл навстречу дню. И вместе с отступающей ночью куда-то на самое дно Валеркиной души уходили остатки обиды. Скрипнула стеклянная левая дверь, и Антонина Николаевна встала за плечами Валерки. Сразу стало горячо и тесно сердцу.

– Антонина Николаевна, я знаю, что виноват, только... – хриплым голосом сказал Валерка и запнулся за собственное сердце, вдруг ставшее необычно большим и тяжёлым. Ах, как дорого бы он дал, чтобы она улыбнулась!

– Влево не ходи, – словно не слыша, суховати посоветовала штурманша, конечно, только затем, чтобы избежать неприятного разговора.

– Есть влево не ходить! – послушно повторил Валерка, хотя до левого бакена было никак не меньше двухсот метров, и будь на месте Антонины Николаевны кто-нибудь другой, он бы обязательно «заелся».

Ещё постояли молча – рослый парень с большими обветренными руками, накрепко сдавившими штурвал, и сумрачным взглядом светлых глаз, и стройная женщина в зелёном плаще с тяжёлыми косами, спрятанными под форменный синий берет.

Нет, она вовсе не собиралась избегать какого бы то ни было разговора.

– Конечно, ты виноват, и капитан уже принял решение, – вдруг холодно и твёрдо сказала «штурманша», – списать тебя с теплохода. По-твоему, он не прав?

– Ну и пусть! – упрямо буркнул Валерка, но небо в его глазах внезапно погасло и вода стала серой, как плёнка на расплавленном и остывающем свинце. Такой же плёнкой сразу подёрнулось и мальчишечье сердце.

Но Антонина Николаевна была старше Валерки на целых десять лет, и это горячее и глупое сердце лежало перед ней как раскрытая книга.

– Нет, не пусть, Валерий Долженко, – строго сказала она. – Я хочу, чтобы ты был человеком. И я поручилась за тебя. Надеюсь, что ты меня не подведёшь?

Валерка глубоко вздохнул и так стиснул рукоятки штурвала, что побелели ногти.

Даже сам Игнатий Дмитриевич, директор второго ремесленного училища, непререкаемый авторитет для всех бывших одноклассников Валерки и для него самого, и то рядом с Антониной Николаевной был всего лишь умным, ярким, добрым, но всё-таки только человеком. А это было само солнце. И оно хотело видеть его, беспутного Валерку, похожим на всех хороших людей, которых он знал. Мог ли он этому противиться?

Медленно наливалось огнём небо над тоненьким носовым флагштоком с красной жестяной флюгаркой. День всё-таки наступал, большой и новый, как полотнище праздничного флага.

Деловито стучали дизеля, но даже сквозь их плотный железный топот было слышно, как заливисто всхрапывал кто-то грузный в носовой пассажирской каюте.

Маленький плавучий мирок со всеми своими сомнениями, заботами, грехами и поисками правды упрямо шёл против течения большой и своевольной реки, и острым углом разбегалась белая пена из-под скошенного форштевня теплохода.

– Спасибо, Антонина Николаевна. Век вам этого не забуду, – наконец выдавил из себя Валерка и подумал, что не будь её в рубке, и даже стук машины на «Орлёнке» был бы другой, наверное, медлительнее и глуше. «Штурманша» ничего не ответила, только задумчиво и чуть-чуть печально покачала головой.

...Может, это и было счастье – хотеть только одного, чтобы вахта с четырёх до двенадцати никогда не кончалась? Вероятно, так она и начинается, глупая и светлая мальчишечья любовь...

Пригоршней серых кубиков, рассыпанных по рыжему косогору, открылся Ушкуйский мехлесопункт – двадцать восемь километров уже отмотали работающие винты «Орлёнка».

Завыла прокрученная маленькой женской рукой сирена, и горы дробно пересыпали протяжное эхо. Но даже помятая и выкрашенная в зелёный цвет старенькая сирена сегодня не была похожа на мясорубку, могучим трубным голосом органа она кричала на всю реку о том, как счастлив Валерка.

Антонина Николаевна перегнулась через обвес мостика, следя за отвалившейся от берега лодкой. Не оглядываясь, она помахивала Валерке рукой, показывая, на сколько вправо-влево нужно перекачать руль, чтобы лодке подойти с подветра и носом против течения.

Валерка следил за этой небольшой смуглой рукой, высывающейся из широкого рукава зелёного вахтенного дождевика, и, читая её безмолвный приказ, ничего кроме этих подвижных, тоненьких пальцев не видел.

Авторитетней человека и начальника для него не было на всей реке. И в то же время это была его первая любовь, его самая крупная радость в жизни, его путеводная звезда.

Ах, если бы можно было взять Антонину на руки и унести вон на те хребты и дальше, куда, он не знал и сам. Но разве можно взять на руки то, что кажется тебе недостижимым и таким удивительно хрупким?

Так его и застал, войдя в рубку, Сергей Сергеич, который, конечно, не мог проспать голоса сирены, звонков машинного телеграфа и перемены скорости.

– Тут вербованные сундук должны сгружать. Ещё утопят. Пойди к пролёту, возьми крюк – шлюпку с носа поддержишь, – хриплым со сна голосом сказал он Валерке, сам становясь к штурвалу.

Даже здесь, на далёкой сибирской реке, в шести тысячах километров от Кронштадта, капитан «Орлёнка» не мог изменить языку своей флотской молодости, неизменно звал багор – по-флотски крюком, а тяжёлую смолёную завозню – шлюпкой.

Вполглаза последив за Валеркой, сломя голову кинувшимся исполнять приказание, и вспомнив его счастливо-шалую улыбку, с которой он смотрел на Антонину, капитан нахмурился и покачал головой – неужели всё-таки белоголовый Борис был прав, и сам он, отвечающий на «Орлёнке» за всё, вчера повёл себя слишком официально?

...А началось всё с крайних камней Быковской шиверы, ровно два рейса назад. Виноваты во всём были малая вода и разрушительная работа изменчивого течения.

Когда теплоход ткнулся дном об крайний камень и Антонина Николаевна, бывшая на мостике, сразу рванула ручки машинного телеграфа на «стоп», нос «Орлёнка» резко осел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.